

УДК 94(477)«1921/1928»+336.225.2(477)(091)

Ю. В. Котик

Материальное обеспечение налоговых работников Украинской ССР в годы нэпа

Статья посвящена малоизученной в исторической науке проблеме материального обеспечения сотрудников налогового аппарата УССР в период нэпа. На основе архивных материалов раскрыта деятельность советской власти в Украине с целью обеспечения оплаты труда налоговых служащих в период нэпа. Автор пришел к выводу, что политика советской власти в области регулирования оплаты труда работников налоговых органов УССР в период нэпа регламентировалась последовательными решениями партийных, государственных и профсоюзных органов. В целом она была рациональной, что позволило успешно выполнять поставленные перед налоговыми служащими задачи. В то же время причинами сохранения материальных трудностей и тяжелых условий труда налоговиков на протяжении всего периода 1920-х годов являлись политические и экономические противоречия нэпа, отношение к налоговым органам со стороны советской власти как второстепенным структурам.

Ключевые слова: налоговые органы, оплата труда, наркомат финансов, «Совработник», губернский финансовый отдел.

В период реформирования налоговых органов Украины на современном этапе исторический опыт, накопленный в результате анализа деятельности советских хозяйственных органов во время нэпа, представляет особую ценность и требует дальнейшего переосмысления. Вместе с тем проблема становления налоговых органов, в особенности аспект материального обеспечения их сотрудников, остается малоизученной. Поэтому автор ставит целью рассмотреть мероприятия советской власти на Украине в 1921—1928 годах по организации материально-бытового обеспечения налоговых работников. Объект исследования — деятельность центральных, республиканских и губернских партийных и государственных органов в сфере материального обеспечения налоговых служащих УССР в период нэпа.

Материально-бытовое обеспечение граждан способствует социальной стабильности в обществе. Этот вопрос занял значительное место среди экономических проблем советского государства уже в эпоху «военного коммунизма». Характерной особенностью стимулирования труда государственных служащих, в том числе налоговых органов, являлась в этот период весомая роль натуральной формы заработной платы по сравнению с денежной. Прежде всего налаживалось материальное обеспечение партийных и советских органов власти, силовых структур, «приоритетных» наркоматов. Финансирование налогового аппарата в связи с его неэффективностью в условиях хозяйственной разрухи и гиперинфляции происходило по остаточному принципу и не соответствовало прожиточному уровню. Например, старший делопроизводитель Миргородского уездного финотдела В. Сокольский, который имел среднее образование и 14 лет финансового стажа, в письме к заведующему Полтавским губфинотделом от 9 мая 1919 г. констатировал, что «невероятно высокие цены на хлеб в свободной продаже и незначительное продовольственное обеспечение поставили канцелярских работников в безвыходное положение». Большинство из них пыталось выехать в другие города и села, чтобы выжить [18, л. 6]. При таких обстоятельствах советская власть искала средства и стимулы для удержания служащих на работе за мизерную плату. Одним из таких средств явилось Постановление РПО Украины от 13 июля 1919 г., согласно которому лица, уволившиеся из финансовых органов, теряли отсрочку по мобилизации в ряды Красной Армии [17, л. 52].

© Котик Ю. В., 2014

Однако натурализация экономики, в частности и оплаты труда, в начале 1920-х годов исчерпала свои ресурсы. В то же время введение нэпа способствовало распространению новых принципов оплаты труда. Одним из направлений стимулирования труда рабочих и служащих было введение свободного договора по найму вместо трудовой повинности, переход к коллективным договорам между профсоюзами и госучреждениями.

Но улучшение благосостояния финансовых работников в реальной жизни происходило медленно. Новоприбывших на работу в налоговые органы брали на учет органы Наркомата труда и профсоюзы: начисляли заработную плату по «повышенным» разрядам согласно тарифной сетке. Кроме того, был поднят вопрос об оплате командировок работников внешнего аппарата (как правило, косвенного налогообложения) [31, л. 2]. В соответствии с соглашением Уполномоченного НКФ РСФСР при СНК УССР с Южбюро ВЦСПС на оплату работников косвенных налогов поступало 5% от поступлений из полученных доходов (сначала — аванс, остальное — в конце года). Такое же соглашение было разработано для органов прямого налогообложения [26, л. 25].

Однако в условиях экономического кризиса принятых мер было недостаточно, к тому же они были малоэффективными и довольно часто имели декларативный характер. На законодательном уровне за выполнение должностных обязанностей служащие обеспечивались заработной платой в денежной форме, продовольственным пайком и необходимым количеством одежды и обуви [22, с. 555]. Так, в апреле в 1921 г. денежная часть заработной платы заведующего налоговым подотделом Каменец-Подольского уездного финотдела составляла 5550 руб., инспектора — 4070 руб., учитывая десятипроцентную прифронтовую надбавку. Ставки зарплаты не менялись с конца 1920 г. [20, л. 4].

Продовольственные пайки достаточно весомо различались по регионам. Например, паек налогового инструктора Новоушицкого финотдела по норме группы «б» в феврале 1921 г. состоял из 11 кг хлеба, 1 кг крупы, 7 кг овощей, 400 г соли, 200 г сахара и 40 г чая [6, л. 18—19], налогового Гайсинского финотдела — только из 3 кг муки, 0,8 кг пшена, 200 г соли, ни сахара, ни мяса не предусматривалось [7, л. 76]. На членов семей пайки не выдавались, поэтому месячной нормы хватало на 3—4 дня.

Нередко, как это было со служащими Могилев-Подольского финотдела, весь перечень продуктов не выдавался.

В условиях гиперинфляции розничные цены на продукты питания постоянно росли. Так, в городе Виннице в течение 1921 г. они «подпрыгнули» от двух до пяти раз, а с мая по ноябрь ржаной хлеб подорожал с 850 руб. за фунт (409 г) до 1900 руб., мясо — с 3000 руб. до 13 500 руб., бутылка молока — с 800 руб. до 4000 руб. [2, с. 29]. При таких обстоятельствах налоговики не могли удовлетворить элементарные потребности в продуктах питания и одежде. Например, руководство Каменец-Подольского уездного финотдела обратилось в местный орган коммунального хозяйства с просьбой выделить бухгалтеру К. Таржцинскому за счет государства обувь, поскольку на жалование, которое он получал, приобрести ее на рынке был не в состоянии [19, л. 85].

Именно поэтому так остро встал вопрос о выполнении Постановления СНК УССР от 29 октября 1921 г. о выделении ежемесячно 726 продовольственных пайков и 641 комплекта одежды для работников органов по сбору косвенных налогов и 365 и соответственно 66 — для служащих налоговых отделов прямых налогов. В целом это количество было незначительным [28, л. 51]. Во исполнение решения в октябре 1921 г. Одесским опродкомгубом было выделено 57 продовольственных пайков финансовым работникам губернии. Один продовольственный паек составлял 1710 фунтов хлеба (1 российский фунт содержал 409 г. — Ю. К.), 28,5 фунта сахара, 57 соли, 7,8 фунта табака, 114 фунтов мяса, 1140 фунтов овощей, 28,5 фунта жиров, 228 фунтов круп. Кроме того, предоставля-

лась обувь: ботинки военного образца, белье, картуз, рулон бумаги. Еще одним пайком, кроме одежды, обеспечивались члены семей налоговиков [12, л. 51]. Но на практике решение правительства стало выполняться только с мая 1922 г. [28, л. 51]. В дальнейшем Всероссийским союзом профессиональных работников в декабре 1921 г., в связи с «исключительным значением института финансовых инспекторов», заработная плата налоговых инспекторов назначалась как минимум по 14 разряду, согласно тарифной сетке [11, л. 30].

Кроме вознаграждения в виде заработной платы власть достаточно активно применяла дополнительные финансовые стимулы труда. Например, в 1921 г. налоговики за участие в заседании комиссии по улучшению продналогового законодательства получали ежедневное вознаграждение в сумме 15 000 руб. [23, л. 129].

Решение проблемы оплаты советских служащих, в том числе налоговиков, возлагалось на Высший Совет Народного Хозяйства при СНК РСФСР. Вопросы формирования фондов заработной платы решались Центральной фондовой комиссией по заработной плате в Москве.

В начале 1922 г. с целью улучшения материального благосостояния работников финансового аппарата власти приняли ряд неотложных мер. Так, 30 января 1922 г. СНК РСФСР принял Постановление об отчислении процента с налоговых доходов для премирования служащих [31, л. 2]. Согласно этому распоряжению, в премиальный фонд поступало 2% от налоговых поступлений, в том числе пошлин и возвращенных задолженностей. После того как средства аккумулировались на счетах в Москве, в конце каждого квартала их распределяли по республиканским центрам, а далее — по губерниям. Премии назначали «лицу», а не «должности», тому, кто добросовестно выполнял служебные обязанности. В руководстве преобладало мнение, что премирование налоговиков является стимулом к повышению производительности труда [31, л. 5]. Согласно циркуляру Наркомата финансов РСФСР от 13 февраля 1922 года «О вознаграждении членов налоговых комиссий (в 1921, 1922 годах они создавались для содействия взиманию составляющей промышленного налога — уравнительного сбора. — Ю. К.), базарных и рыночных агентов» установлены премиальные, размер которых определялся в зависимости от разряда, присвоенного служащему (от одного до девяти), и уплачивался при работе налоговиков в сверхурочное (после шести часов кряду. — Ю. К.) время [25, л. 71]. В дальнейшем, «поскольку выполняемая финансистами работа по взысканию налогов и сборов являлась крайне важной», Наркомфин РСФСР в распоряжении к уполномоченным наркомфинов республик от 20 октября 1922 г. подчеркивал необходимость немедленного решения комитетом профсоюзом «Совработник» вопроса повышения тарификации финансистов с 9 до 11 разряда, на что Уполномоченный НКФ РСФСР при СНК УССР ответил согласием [9, л. 34].

Таким образом, заработная плата налоговиков определялась в зависимости от тарифной сетки и должности. Так, зарплата сотрудников Одесского уездного финотдела в апреле 1922 г. составляла: фининспекторов прямых и участковых инспекторов косвенных налогов по 14 разряду — 3600 руб., помощника участкового инспектора косвенного налогообложения по 10 разряду — 2700 руб., кассира, делопроизводителя, бухгалтера — 2430 руб. [12, л. 34].

Кроме того, заработная плата служащих налоговых органов индексировалась в зависимости от уровня инфляции. Так, зарплата фининспектора прямого налогообложения в городе Киеве по 14 разряду в августе 1922 г. уже составляла 16 800 руб. [32, л. 25]. Одновременно для защиты доходов финансовых работников центральных органов от инфляционных процессов их зарплата фиксировалась в золотом эквиваленте. По смете на содержание личного состава отдела косвенных налогов и государственных монопо-

лий правления Уполномоченного НКФ РСФСР при СНК УССР по состоянию на ноябрь 1922 г. заработная плата (в золотой валюте) заведующего отделом составляла 600 руб., ревизора-инструктора — 570 руб. Заработная плата заведующего подотдела косвенных налогов губфинотдела составляла 570 руб., ревизора-инспектора — 540 руб., участкового инспектора — 510 руб. [30, л. 217—218].

На протяжении 1923 г. заработная плата государственных служащих увеличивалась ежемесячно от 25 до 50%. Так, ревизионной комиссией Одесского губфинотдела в декабре 1923 г. было принято решение о необходимости увеличения заработной платы инспекторов по взысканию прямых и косвенных налогов Вознесенского уездного финотдела на 50% [14, л. 148].

Кроме того, на основании совместного циркуляра ВЦСПС и ВСНХ в марте 1923 г. «О порядке начисления зарплаты по коллективным соглашениям» оплата труда налоговиков определялась в товарных рублях [1, с. 11]. Например, районным финансовым инспекторам и финагентам Подольской губернии дневная заработная плата начислялась по 9 разряду и составляла 23,63 товарных рубля. Натуральных выплат не было [4, л. 130].

В дальнейшем, в соответствии с принятыми документами, заработная плата налогового работника начислялась с помощью почасовой формы оплаты труда. Например, в соответствии с приказом Подольского губфинотдела от 2 октября 1923 г. для оплаты труда налоговиков внутреннего аппарата устанавливалась следующая тарификация: заведующий губфинотделом получал плату по 17 разряду с 50%-ной дополнительной надбавкой к окладу, заведующие отделом прямых и косвенных налогов — по 16 разряду с такой же доплатой, для ревизора-инструктора — по 14 разряду и только с 40%-ной надбавкой, для делопроизводителя предусматривалась «голая» ставка по 12 разряду, для счетоводов — по 9 разряду. Заработная плата работников внешнего аппарата была меньше. Финансовому инспектору района по взысканию прямых налогов зарплата начислялась по 14 разряду с 40%-ной надбавкой, помощнику финансового инспектора — по 12, делопроизводителю и финагенту — по 10, курьеру — по 5 разряду [5, л. 2—5].

Средства на оплату труда работников налогового аппарата преимущественно поступали из центральных фондов. Однако агенты по взысканию налогов на селе, согласно пояснительной записке Уполномоченного НКФ РСФСР при СНК УССР от 30 апреля 1923 г., финансировались из местного бюджета [8, л. 272].

Кроме заработной платы, власть активно продолжала поощрять служащих выплатой премий. Так, приказом Донецкого губфинотдела от 20 января 1923 г. утверждалось распределение премий в 300—400 рублей между фининспекторами и финагентами 18 уездов «пропорционально выполненной работе» [33, л. 28—29].

Несмотря на серьезные проблемы советской экономики в 1923—24 гг. (прежде всего это кризис сбыта промышленных товаров), власть смогла осуществить меры, направленные на денатурализацию заработной платы, ее сохранение на достигнутом уровне реальной зарплаты, своевременную выдачу. Этого удалось достичь путем перевода зарплаты в красное исчисление. Так, в феврале 1924 г., в соответствии с Постановлением РПО, заработная плата с 1 марта 1924 г. без перевода в советские денежные знаки выдавалась в твердой валюте. Мероприятия, начатые в 1923 г., направленные на установление размера оплаты труда рабочих и служащих в зависимости от территориальных поясов, завершились в 1924 году. Все города и административные единицы делились на три пояса. На Украине к 1 поясу принадлежали Харьков и Екатеринослав, ко 2 поясу — Киев, Одесса, Харьковская и Екатеринославская губернии, остальные — к 3 поясу [1, с. 4]. При таких обстоятельствах на размер заработной платы налоговиков влияли не только тариф и занимаемая должность, но и территориальное расположение места работы. Например, в

Киевской губернии в 1924 г. заведующий налоговым отделом получал 225 руб., старший инспектор — 78 руб. 12 коп., помощник инспектора — 57 руб. 38 коп. Одновременно в Волынской губернии зарплата заведующего налоговым отделом составляла лишь 121 руб., старшего инспектора — 60 руб., помощника инспектора — 35—40 руб. [27, л. 47—48, 158—160].

Кроме того, согласно Постановлению РПО в феврале 1924 г., для служащих, работавших в пределах 1 пояса, 1 товарный рубль равнялся 1 руб. 50 коп. в твердой валюте, для 2 пояса один товарный рубль составлял 1 руб. 30 коп., для 3 пояса соответственно 1 руб. 00 коп. [1, с. 5].

Кроме заработной платы налоговикам оплачивались служебные командировки. Например, для налоговиков Одесского губфинотдела в марте 1922 г. размер суточных составлял 1/24 месячного оклада как в денежной, так и натуральной форме [12, л. 40].

Отдельно оплачивалась работа в сверхурочное время. Так, финагенты Могилев-Подольского окрфинотдела, задействованные для взыскания единого сельхозналога, как и весь аппарат окрфинотдела, за сверхурочную работу с 15 сентября по 15 октября 1923 г. получили один дополнительный оклад [24, л. 130].

При исполнении служебных обязанностей налоговики имели право на бесплатное использование гужевого и железнодорожного транспорта.

Одновременно власти заботились о материальной поддержке семей работников финансовых органов. Достаточно распространенным явлением в первые годы нэпа являлось получение налоговиками дополнительного продовольственного пайка для своей семьи. В г. Виннице еще в 1920 г. для налоговых работников и членов их семей открыли столовую закрытого типа с льготными ценами [4, л. 120].

Финансовые работники обеспечивались отдельными социальными гарантиями со стороны государства. Так, согласно Постановлению НКФ СССР от 12 декабря 1923 г., на период обучения на налоговых курсах за работниками финансовых органов сохранялась должность, место работы и заработная плата, а за их семьями — ведомственное жилье, если оно имелось до командировки [3, л. 7]. Кроме того, курсанты получали суточные по 10 разряду тарифной сетки [3, л. 8]. После окончания финансово-налоговых курсов командированный возвращался на место своей работы: получал мандат, по которому все советские учреждения и железнодорожная администрация должны были способствовать ему добраться до места работы.

Следует отметить, что материальное и социальное обеспечение «ответственных» работников и руководящего состава налоговых органов было существенно лучше, чем у остальных сотрудников аппарата. Так, в 1922 г. все «ответственные» работники губфинотделов кроме тарифной надбавки получали еще один дополнительный продовольственный паек [22, с. 647]. Только в Подольском губфинотделе таких работников насчитывалось 27 [10, л. 14]. Из 21 работника Одесского губфинотдела, получивших материальную помощь на лечение в течение 1923 г., 13 принадлежали к руководящему составу [15, л. 516—517]. Кроме того, питание «ответственных работников» в трудные 20-е годы являлось довольно сытным. Например, для делегатов Запорожской губпартконференции, в числе которых находились и партийные работники финансовых органов, в сентябре 1922 г. был сделан заказ на 100 человек в столовой для трехразового питания в день с таким меню: завтрак — 1/2 фунта хлеба, 1/8 фунта масла или 2 яйца, 2 стакана чая или 1 стакан кофе; обед — 1 фунт хлеба, борщ с мясом и сметаной, жаркое, арбуз или сладкое; ужин — 1/2 фунта хлеба, жаркое, 2 стакана чая или 1 стакан кофе [21, с. 365].

Однако, несмотря на принятые меры для роста заработной платы и социального обеспечения работников налогового аппарата в 1921—1924 годах, материальное положение

ние служащих оставалось сложным. Реальная заработная плата налоговиков не всегда отвечала прожиточному уровню. Распространенными явлениями в налоговых органах были текучесть кадров, переход служащих на работу в государственные органы с более высокой оплатой труда. Например, статист Одесского губфинотдела В. Куцик 2 августа 1922 г. вернулся на биржу труда, поскольку отказался работать в налоговых органах за установленную зарплату [13, л. 23]. Отсутствие кредита на обмундирование для работников Подольского губфинотдела накануне зимы 1923/24 г. ставило налоговиков в затруднительное положение [4, л. 142—143].

Во второй половине 1920-х годов правительство и Наркомат труда СССР разработали единую номенклатуру должностей служащих государственных органов. Так, 9 июня 1925 г. СНК СССР принял Постановление «О нормировании зарплаты служащих государственных учреждений». Основу для систематизации размеров оплаты труда составляла номенклатура с единым перечнем и характеристикой видов и объемов труда, постоянные штаты на основании этой номенклатуры и твердые оклады для каждой штатной должности [1, с. 6]. Например, заработная плата заведующего подотделом прямых налогов Одесского губфинотдела в 1925 г. начислялась по специальной ставке в соответствии с 16 разрядом и рассчитывалась по сумме основного оклада в 80 руб. и специальной надбавки в 103 руб., что в сумме составляло 185 руб. Старший инспектор подотдела по 15 разряду получал оклад в 67 руб. и прибавку в 43 руб., а всего 110 руб. Зарплата финансиста по 10 разряду рассчитывалась по сумме 42 руб. плюс 13,86 руб., всего 55,86 руб. [15, л. 1—5].

Однако зарплата налоговиков и в дальнейшем не достигала прожиточного уровня. Именно этим объясняется текучесть кадров в Лубенском окрфинотделе осенью 1925 г. Налоговики пытались перейти работать в высокооплачиваемые учреждения [16, л. 18]. Такие же проблемы возникли в Луганском окрфинотделе.

В резолюции Всесоюзного совещания налоговых работников 1926 г. подчеркивалось, что необходимо принять безотлагательные меры для облегчения условий труда налогового аппарата [34, л. 22—23]. В отчете Старобельского окрфинотдела за второе полугодие 1925/26 г. отмечалось, что в райфинисполкомах «не хватает хотя бы “знакомых” с налоговым делом служащих, а за месячную зарплату в 28 руб. для делопроизводителя и 25 руб. для счетовода квалифицированного работника и не найдешь» [35, л. 7]. В Полтавском окрфинотделе служащие жаловались на «крайне неудовлетворительную оплату командировок» [35, л. 1—3]. По Николаевскому окрфинотделу в связи с уменьшением финансирования сокращена одна должность бухгалтера, одна — помощника бухгалтера и должность делопроизводителя по взысканию ренты и гербового сбора [35, л. 137].

Показательным является тот факт, что расходы на акцизный аппарат в дореволюционной России составляли 9% от налоговых поступлений, а в СССР по состоянию на 1925 г. — только 0,6% [29, л. 3—6].

Распространенным явлением в бюджетной политике советской власти в конце 1920-х годов была экономия фонда оплаты труда государственных служащих. Например, налоговикам Старобельского окрфинотдела в мае 1927 г. заработная плата выплачивалась ниже установленных размеров. Так, окружной ревизор получал 115 руб. вместо 120 руб., инспектор в городе — 110 руб. вместо 120 руб., а в сельской местности вообще 85 руб. вместо 100 руб. Командировочные тоже «урезались»: инспекторам выдавали 25 руб., а их помощникам — 15 руб., хотя должны были выплачивать 30 руб. и 20 руб. соответственно [36, л. 24—28].

Одной из последних конструктивных мер властей по материальному обеспечению работников налогового аппарата в период нэпа была резолюция Всесоюзного съезда ра-

ботников органов косвенных налогов в Москве в феврале 1928 г. об уравнении заработной платы служащих органов косвенного налогообложения с работниками аппарата по взысканию прямых налогов [37, л. 140—143].

Таким образом, политика советской власти в области регулирования оплаты труда работников налоговых органов УССР в течение нэпа базировалась на решениях партийных, государственных и профсоюзных органов, прежде всего центра. В целом она была рациональной, что позволяло аппарату успешно выполнять растущие налоговые планы. Однако обострение противоречий нэпа и недооценка руководством государства роли налогов и органов, которые их взимают, являлись причиной сохранения материальных трудностей и тяжелых условий труда налоговиков на протяжении всего периода 1920-х годов.

Список использованных источников

1. Бородкин Л. И., Сафонова Е. И. Государственное регулирование трудовых отношений в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB5/borsaf.htm>
2. Бюллетень Подольского губернского статистического бюро. 1922. № 3.
3. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 112.
4. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 130.
5. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 197.
6. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 32.
7. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 53.
8. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 65.
9. ГАВО. Ф. Р-27. Оп. 2. Д. 73.
10. ГАВО. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 3.
11. ГАЖО. Ф. Р-225. Оп. 3. Д. 7.
12. ГАОО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 124.
13. ГАОО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 225.
14. ГАОО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 367.
15. ГАОО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 420.
16. ГАПО. Ф. Р-1229. Оп. 3. Д. 17.
17. ГАПО. Ф. Р-494. Оп. 1. Д. 10.
18. ГАПО. Ф. Р-494. Оп. 1. Д. 5.
19. ГАХМО. Ф. Р-1350. Оп. 2. Д. 15.
20. ГАХМО. Ф. Р-1350. Оп. 2. Д. 44.
21. Нариси повсякденного життя радянської України в добу непу (1921—1928 рр.) : колективна монографія / відп. ред. С. В. Кульчицький : в 2 ч. Ч. 1. К. : Ін-т історії України НАН України, 2009. 445 с.
22. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1921. № 16.
23. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 127.
24. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 130.
25. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 242.
26. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 260.
27. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2607.
28. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 265.
29. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4764.
30. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 592.
31. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 596.
32. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 602.
33. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 650.
34. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7463.
35. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7737.
36. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 2. Д. 1310.
37. ЦГАВОВУ. Ф. 30. Оп. 2. Д. 3718.

Сокращенные наименования архивов

ГАВО — Государственный архив Винницкой области
 ГАЗО — Государственный архив Житомирской области
 ГАОО — Государственный архив Одесской области
 ГАПО — Государственный архив Полтавской области
 ГАХМО — Государственный архив Хмельницкой области
 ЦГАВОВУ — Центральный государственный архив высших органов власти Украины

Поступила в редакцию 14.02.2014 г.

Котик Юрий Васильевич, соискатель, старший преподаватель
 Винницкий национальный аграрный университет
 21008, Украина, г. Винница, ул. Солнечная, 3
 E-mail: kotik1997@mail.ru

UDC 94(477)“1921/1928”+336.225.2(477)(091)

Y. V. Kotik

Material security of tax officials in the Ukrainian SSR during NEP

The article is devoted to the understudied problem of material security of tax officials of the Ukrainian SSR during NEP. Based on archival materials, the paper studies the activity of the Soviet government in Ukraine aimed at ensuring wages for tax officials during NEP.

The author concludes that the policy of the Soviet government in regulating wages of tax officials in the Ukrainian SSR during NEP was regulated by the successive decisions of the party, government bodies and labour unions. All in all, it was rational, that allowed tax officials to fulfill their goals successfully. At the same time the reasons for the remaining financial difficulties and poor working conditions throughout the 20s were political and economic contradictions of NEP, Soviet government treatment of taxing entities as secondary structure.

Key words: taxing entities, costs of labour, People’s Commissariat of Finance, “Soviet worker”, provincial financial department.

Kotik Yuriy Vasilyevich, Candidate for a degree, Senior Lecturer
 Vinnytsia National Agrarian University
 21008, Ukraine, Vinnytsia, ul. Soniachna, 3
 E-mail: kotik1997@mail.ru